

УДК 930.1:1 : 316.7

Гончаров А.С.¹

Ануприенко И.А.²

**ИМПЕРАТИВЫ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 1930-1980-е гг.**

Ставропольский государственный педагогический институт

Goncharov A. S.

Anuprienko I. A.

**IMPERATIVES OF THE SOVIET POLICY OF FORMING NATIONAL AND CIVIC
IDENTITY IN THE 1930-1980s**

Stavropol State Pedagogical Institute

Аннотация: Настоящая статья посвящена проблеме формирования гражданской и национальной идентичности в контексте оценивания историко-культурной эволюции советской модели идентичности. При рассмотрении попыток создания монокультурных общностей мы анализируем социальные и политические аспекты создания императивов национальной и гражданской идентичности. В ходе исследования анализируется период 1930-1980-х гг., позитивные и негативные стороны программ идентичности, связанные с навязыванием коммунистической, марксистско-ленинской идеологии, а также кризисы, с которыми столкнулось советское общество в довоенный и послевоенный периоды.

Abstract: This article is devoted to the problem of the formation of civil and national identity in the context of assessing the historical and cultural evolution of the Soviet model of identity. When considering attempts to create monocultural communities, we analyze the social and political aspects of creating imperatives of national and civic identity. The study analyzes the period 1930-1980, the positive and negative aspects of identity programs associated with the imposition of communist, Marxist-Leninist ideology, as well as the crises that Soviet society faced in the pre-war and post-war periods.

Ключевые слова: монокультурная общность, система ценностей, этносоциальная норма, социальный сдвиг, титульный этнос, этническая дискриминация, социальная аномия,

Key words: monocultural community, value system, ethnosocial norm, social shift, titular ethnic group, ethnic discrimination, social anomie.

---

¹ Гончаров Артем Сергеевич - лаборант кафедры Теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института.

² Ануприенко Ирина Алексеевна - канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры Теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института

Актуальность темы заключается в необходимости более детального изучения проблемы формирования национальной и гражданской идентичности в историческом развитии политического курса Советского Союза. Период 1930-1980-х гг., наименее изученный с точки зрения политики идентичности, привлекает внимание современных наук, в частности, исторической и социологической. Системный анализ форм национальной и гражданской в контексте изучения советской политики способен раскрыть не только фактор институциональной истории, но расширить представление об общественных отношениях в обозначенный нами период.

Практическая значимость выражена в возможности разностороннего анализа феноменов национальной и гражданской идентичности в СССР 1930-1980-х гг. При рассмотрении советского пространства с историко-культурной и социологической позиций, материалы работы можно использовать при изучении культурной интеграции в советском обществе и идеологической стороны политики идентичности, её преобразований в деятельности разных генеральных секретарей и представителей политической элиты. Кроме того, анализ довоенных и послевоенных кризисов советского общества способен предоставить материал, подходящий для оценки сущности процессов идентификации и самоидентификации у личности в пространстве СССР и стран социалистического лагеря.

Научная новизна отражена в расширении политического дискурса о политике формирования национальной и гражданской идентичности в СССР. Как отмечают многие современные историки и политологи, в современном политическом дискурсе имеет место односторонний взгляд на политику формирования гражданской и национальной идентичности в СССР с начала индустриализации (1928) и коллективизации (1929) вплоть до либеральных преобразований М.С. Горбачёва. Наша цель – доказать неоднородность политики Коммунистической партии в направлении формирования советской идентичности. В качестве основных методов исследования мы используем историко-типологический, историко-системный и ретроспективный методы.

Мы считаем, что в историко-культурном смысле такое понимание можно связать, прежде всего, с критической оценкой, с распространённой в Советском Союзе и странах социалистического лагеря функции мифологизации личностей вождей и видных политических деятелей, входивших в КПСС или сотрудничавших с ближайшим окружением партии. Так или иначе, все мифологемы, связанные с идеологической концепции формирования общества в Советском Союзе, лежат в основе редуционистского понимания авторитарной власти как таковой, поскольку не позволяют рассмотреть объективно как негативные, так и позитивные стороны отдельных сторон советской политики.

История советской политики формирования национальной и гражданской идентичности в 1930-1980-е гг. характеризовалась множеством нравственных императивов, отсылающих к марксистско-ленинской идеологии и философии диалектического материализма в принципе. Политика формирования идентичности в 1930-1950-е гг. имела огромный мобилизационный потенциал, отражённый в полной поддержке советской власти и отсутствии сомнений в её легитимности. Историческим выбором советского общества было построение коммунизма/социализма, где главными императивами признавались бы «труд» и «коллектив». Как разновидность социального проективизма, социализм представлялся единственно возможным инвариантом для формирования национальной и гражданской идентичности.

Так, советская политика в 1930-е гг. была направлена, в первую очередь, на увеличение своей статусной функции через коллектив и лишь затем – через личность, признававшуюся институциональным носителем ценностей государства. Каждый человек, трудящийся на благо построения социализма, признавался сопричастным к созданию принципиально новой исторической реальности. Этот императив наделял личность статусом «гражданина», только тогда она приобретала значимость для общества и государства. Инакомыслящие и все, кто не разделял данный императив, являвшийся, по сути, ядром советской политики и идеологии, имел статус гражданина номинально, пока добросовестно соблюдал писанные и неписанные правила и нормы, но и в этом случае, мог попасть в опалу.

Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что советский взгляд на политику формирования идентичности 1930-х гг. имел довольно радикальный характер, сохранявший ещё оттенки революционности, резко отличавшие политику идентичности советского образца от дореволюционного прошлого, которое частично «реабилитировалось» вместе с выходом 5 марта 1934 г. первого обновлённого учебника истории, одобренного Политбюро ЦК ВКП(б). В это время ещё сохранялся ориентир на разжигание мировой революции, в центре национальной идентичности была идея пролетарского интернационализма. В сталинской редакции императивы национальной и гражданской идентичности сливаются воедино, и оформляется образ «советского человека».

В 1940-е гг. советская политика формирования идентичности трансформируется, до-советское прошлое, после «партийной обработки» получает широкое распространение, и обыватель, изучая материал, где вся история российского государства была связана с непрерывной борьбой классов (которой ни на Руси, ни в царской России никогда не было), не мог актуализировать ценностный профиль прошлого, зато получал подтверждение тому, что советская идеология стала переломным моментом в истории государства. Политическая элита создавала императивы, удобные в расширении основных инструментальных задач по созда-

нию монокультуры в рамках разобщённого полиэтнического и поликонфессионального государства. Сами же факторы нации и религии стирались из коллективного сознания с помощью партийного аппарата [7, с. 151].

Хотя и личностному отводилось вторичное, подчинённое положение в пользу коллектива, существовало ещё обращение к традиционной для российского общества выборности авторитарных и харизматичных личностей в качестве направляющей силы в политике. Здесь мы наблюдаем синтез московской, имперской традиции и коммунистической идеологии в классическом понимании К. Маркса и Ф. Энгельса. Следуя этой идеологии, все политические решения были направлены на организационно-регулятивные аспекты политики, в условиях ВОВ этот феномен не был замечен, поскольку сама мобилизация военных сил требует повышенной концентрации на управленческой стороне, и всё же, он имел место как в сталинскую эпоху, так и при реализации политики идентичности Н.С. Хрущёвым [2, с. 58].

В послевоенный период социум требовал обновления политической и социальной программы, была необходима консолидация на более исторической основе, чем предлагала советская программа 1930-1940-х гг. Вместе с факторами маргинализации и уничтожения отдельных социальных групп (казачества, кулаков, «ленинской гвардии») возникла необходимость в конструировании полноценной системы общественных отношений, при которых построение социализма в отдельно взятой стране могло бы основываться не только на почитании (и некотором страхе) властных структур, но также на историко-культурном фундаменте.

Согласно концепции П.А. Сорокина [6], во время серьёзных потрясений в обществе существенной остаётся нефлуктуирующая система ценностей. То же замечание можно обнаружить в теории Т. Парсонса [5], который замечает, что валёрные системы наименее подвержены социально-экономическим изменениям, несмотря на то, что, к примеру, и социокультурная, и нормативно-правовая система подвергаются значительным изменениям в момент социальных сдвигов и потрясений. То же произошло с СССР во время ВОВ. Вступление Советского Союза в войну потребовало пересмотра основных императивов в политике идентичности: патриотизм как новое ценностное основание идеологии государства позволил существенно расширить персуазивный дискурс насаждения советской идеологии. Патриотизм стал причиной мобилизации общества [5, 6].

Незадолго до начала войны советское общество встретило идеологический кризис: полиэтническое государство не могло актуализировать те принципы национальной и гражданской идентичности, которые требовались для консолидации общества. В действительности, при смене социальных, этических норм и появлении новой формы морали, определён-

ные социальные группы могут потерять ощущение общности, тогда произойдёт отчуждение и от привычных, и от усваиваемых норм. В этом случае можно говорить о кризисе общества, избежать которого можно лишь с помощью крупного социального сдвига. Для СССР победа в ВОВ стала именно таким сдвигом, придавшим большому количеству дезинтегрированных групп единое ценностное основание.

В 1950-е гг. попытка сокращения интернационалистического дискурса советской политики привело к отделению «советского» и «русского» компонентов национальной идентичности и, в то же время, к росту гражданской идентичности, связанному с «упрощением» императивов советской политики. П.А. Сорокин считает этот период наиболее противоречивым, поскольку впервые личности отводится какая-то роль, но, при этом, она остаётся со-вана в идеологическом, гражданском и даже национальном планах. По мнению Сорокина, это связано, прежде всего, с изменением этносоциальных норм и непостоянной динамикой социальных групп, отверженных властью [6].

Действительно, во время изменений этносоциальных норм колеблется характер и динамика социальных групп. Многие социальные процессы протекают быстрее, увеличивается их количество, но заметно ухудшается качество. Растёт правовое неравенство и возникают ситуации, которые можно поставить в пример в виде противовеса, опровержения идеала, который закладывают в свою пропаганду властные структуры. В 1960-е гг. мы видим схожую картину, новая политическая элиты пыталась решить вопрос идентичности по-своему, но лишь усугубило «промахи» сталинской и хрущёвской эпох, не выдвинув вовсе никаких новых императивов.

М.Ю. Барбашин [1], разбирая данный историко-культурный период, пишет, что в условиях доминирования советской идеологии политика титульного этноса по отношению к советским правилам межэтнического общежития была конформистской. Дерусификация могла быть только осознанным и маргинальным выбором на индивидуальном, но не на групповом уровне. Например, сознательный отказ от изучения русского языка и/или ограничение его использования для межэтнических контактов стали маркерами этнического противопоставления «советским людям» в Прибалтике и на Западной Украине. Однако, эти маркеры привлекали не только партийных карьеристов, но и граждан, не определившихся с этнической идентичностью и/или не уверенных в идентификационном выборе. Принадлежность к советским людям была некоторой степенью защиты от этнической дискриминации на социальном и бытовом уровнях [1, с. 46].

И.Р. Хисматулин [8] пишет, что в 1970-е годы, когда брежневское руководство заявило о построении в СССР развитого социалистического общества, было также объявлено о

возникновении новой исторической общности людей – советского народа. Считалось, что эта историческая общность пришла на смену прежним нациям, возникшим ещё при капитализме, и что в её рамках удалось преодолеть межнациональные противоречия, которые невозможно было разрешить при капитализме. Однако принцип дружбы народов на деле дополнялся другим, не декларировавшимся официально, но игравшим важную роль принципом – унаследованным от Российской империи представлением, что господствующей нацией в СССР являются русские, что русская культура и русский язык являются важными политическими факторами, обеспечивающими единство Союза. Это представление находило выражение в формуле о том, что русский народ – старший брат в семье народов СССР. И хотя правящая партийная и государственная элита (номенклатура) формировалась из представителей разных народов, она в большинстве своём рассматривала русский народ как занимающий особое положение в стране [8, с. 228].

Нельзя сказать, что новая модель построения социалистического общества компенсировала ошибки, совершённые при выборе императивов для политики формирования национальной и гражданской идентичности. Причиной стабилизации общественных отношений стала скорее избыточная ретроспективность самой советской политики, а также массивные программы с идеологическим подтекстом, которые распространялись в виде упрощённого языкового материала, удобного для восприятия представителю любой прослойки общества [4, с. 31]. Тем не менее, образ прошлого не стал логическим продолжением желаемого социалистического будущего, принцип исторической преемственности был нарушен, и стало гораздо сложнее создавать императивы, которые бы не только поддерживали идентичности, но ещё бы и консолидировали общество.

Фактически, единственным средством для установления национальной и гражданской идентичности в 1980-е гг. оказалась политическая профанация, которая наконец-то начали срабатывать и приобрела латентный характер, по сравнению со своей формой 1960-1970-х гг. Но это означало одно: люди начали верить в то, что им говорят, уже появилось новое поколение, выросшее в ином социальном пространстве. Впрочем, из-за одностороннего характера нового курса в поддержании национальной и гражданской идентичности советское общество встретило очередной кризис, сопровождавшийся социальной аномией.

Э. Дюркгейм рассматривал социальную аномию и как локальный, и как глобальный процесс. Он считал, что, в историко-эволюционном ключе, аномия складывается из противоречий между старой и эпохой и новой, когда затрагиваются национальные и гражданские интересы общества [3, с. 148]. На этапе развития СССР в 1980-х гг., таковым стало его противоречие с постиндустриальными европейскими обществами. Переходный характер совет-

ской эпохи и наглядная разница в развитии по сравнению со многими другими странами, вызывали необъективную базу для оценивания социальных норм в коллективном сознании. В итоге противоречие на уровне общественных отношений проявилось в неудовлетворённых потребностях, интересах и в сложности их удовлетворения. Например, в невозможности на тот момент создать полноценное гражданское общество.

Но, несмотря на это, национальную и гражданскую политику советского руководства не следует считать полным провалом. Сближение уровня развития многих входивших в состав СССР народов, их взаимное ознакомление с культурой и традициями друг друга были вполне реальными результатами развития страны в 80-е годы (даже если знакомство с русской культурой в других республиках было гораздо более основательным, чем знакомство с их культурой в России). Русский язык, на котором говорило подавляющее большинство граждан СССР, стал общепринятым языком межнационального общения. У многих советских людей чувство советского патриотизма было никак не менее сильным, чем чувство местного (русского, украинского, казахского и т.д.) патриотизма. Они не видели противоречия между этими чувствами, за исключением сравнительно узких кругов националистически настроенных граждан и нескольких областей, где эти круги пользовались влиянием на общественное мнение [8, с. 229].

Выводы. Таким образом, советская политика формирования национальной и гражданской идентичности была полно противоречий и зависела скорее не от ситуации в стране, от личностных позиций генеральных секретарей и политической элиты. В формировании советской картины мира была предпринята попытка создания «советского человека», которая нивелировала все достижения политики национальной идентичности. Социальные преобразования 1980-х гг. повлекли за собой кризис, с которым не смогли справиться даже горбачёвские либеральные преобразования. Однако, именно этот кризис создал фундамент для формирования российских императивов политики национальной и гражданской идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барбашин М.Ю. Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития. 2012. №7. – С. 44-49.
2. Горбатовская Е.С. Национальный элемент в содержании культурно-воспитательной функции государства // Актуальные проблемы российского права. 2017. №11 (84). – С. 55-61.

3. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с французского А.Б. Гофмана. – 4-е изд., испр. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 308 с.
4. Здравомыслов А.Г., Цудиев А.А. Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм // Социологический журнал. 2003. №3. – С. 20-50.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2018. – 886 с.
6. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Астрель. Серия: Социальная мысль России, 2006. – 1176 с.
7. Хамхоев Р.М. Национальная политика в РСФСР // Социология власти. 2011. №4. – С. 148-155.
8. Хисматуллин И.Р. Государственная национальная политика в СССР: ключевые особенности и практика реализации // Инновационная наука. 2017. №12. – С. 228-230.

REFERENCES (transliteration)

1. Barbashin M.Iu. Sovetskaia identichnost' v etnosotsial'nom prostranstve: institutsional'nye osobennosti // Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia. 2012. №7. – S. 44-49.
2. Gorbatovskaia E.S. Natsional'nyi element v sodержanii kul'turno-vospitatel'noi funktsii gosudarstva // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2017. №11 (84). – S. 55-61.
3. Diurkgeim E. Sotsiologiia. Ee predmet, metod, prednaznachenie / E. Diurkgeim; per. s frantsuzskogo A.B. Gofmana. – 4-e izd., ispr. – M.: Izdatel'stvo Iurait, 2019. – 308 s.
4. Zdravomyslov A.G., Tsutsiev A.A. Etnichnost' i etnicheskoe nasilie: protivostoianie teoreticheskikh paradigim // Sotsiologicheskii zhurnal. 2003. №3. – S. 20-50.
5. Parsons T. O strukture sotsial'nogo deistviia. – M.: Akademicheskii proekt, 2018. – 886 s.
6. Sorokin P.A. Sotsial'naia i kul'turnaia dinamika. – SPb.: Astrel'. Serii: Sotsial'naia mysl' Rossii, 2006. – 1176 s.
7. Khamkhoev R.M. Natsional'naia politika v RSFSR // Sotsiologiia vlasti. 2011. №4. – S. 148-155.
8. Khismatullin I.R. Gosudarstvennaia natsional'naia politika v SSSR: kliuchevye osobennosti i praktika realizatsii // Innovatsionnaia nauka. 2017. №12. – S. 228-230.

Рецензент: Шумакова А.В. Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой Общей педагогики и образовательных технологий Ставропольского государственного педагогического института.